

— Когда я только приехал сюда, это ещё называлось улицей Цзефан, — сказал Цан Ицзин. — Но направление и расположение проспект Шэньнань идеально подходят для строительства главной дороги, которая соединит район Лоуху, в будущем все крупные здания в Шэньчжэне будут строиться вдоль этой оси. Дорог с названием Цзефан в стране тысячи, но проспект Шэньнань будет только один, прямо под нашими ногами.

Чжун Жуйчжи, следуя его словам, посмотрел под ноги:

— Строительство дорог — это дело правительства, за счёт налогов.

— И сколько же это займёт времени? — объяснил Цан Ицзин. — Люди, занимающиеся бизнесом, больше всего ценят внешний вид, в Шанхае это называют стилем. Шэньчжэнь должен открыться для иностранных инвестиций, иностранцы приедут сюда, увидят такие узкие дороги, и кто захочет с нами работать?

Люди со всех стороны приезжают в Шэньчжэнь зарабатывать деньги, и они должны вложить заработанное в создание этого имиджа, — он продолжил. — В Шэньчжэне сейчас даже нет приличного отеля, если я построю здание, то перед ним обязательно должна быть дорога, которая ему соответствует.

— Значит богатые бизнесмены платят? — спросил Чжун Жуйчжи.

— Возможно, это будет связано с землёй, аукционы и тендеры, также есть государственные программы, поощряющие привлечение капитала, но в любом случае, когда дорога будет ровной, бизнес пойдёт лучше, — сказал Цан Ицзин. — Смотри, в будущем эта дорога станет очень широкой, и все здания вокруг должны будут уступить ей место.

— Шире, чем проспект Чанъань? — спросил Чжун Жуйчжи.

Цан Ицзин остановился, огляделся вокруг и твёрдо сказал:

— Конечно, станет.

Он протянул руку, чтобы взять Чжун Жуйчжи за руку:

— Пошли, пойдём отдыхать.

Чжун Жуйчжи спрятал руки за спину и не дал ему взять её:

— А этот немой, кто такой?

— Ревнуешь к женщинам, это ещё куда ни шло, но к немому-то за что? — засмеялся Цан Ицзин. — Мне нравятся те, кто умеет говорить и меня ублажать.

Чжун Жуйчжи вздохнул:

— Я не ревную.

— Ревнуешь, — сказал Цан Ицзин.

— Нет, — сказал Чжун Жуйчжи. — Ты сам несёшь чушь, при людях говоришь всякое, в машине ещё и руку мне под рубашку засунул, а этот твой немой всё время на меня смотрел!

— Видишь, я не ошибся. Я засунул руку тебе под рубашку, ты не рассердился, а немой на тебя смотрит, и ты недоволен. И ещё, «твой немой», разве это не ревность? — Цан Ицзин потянулся к его руке, спрятанной за спиной. — У него нет никаких других намерений, он ещё ребёнок, прямолинейный, даже не знает, что такое любовь, просто любопытствует. Я и не собирался скрывать наши отношения, я говорил, что мы будем вместе открыто, значит, так и будет.

Чжун Жуйчжи отстранился.

Цан Ицзин не стал настаивать, пошёл вперёд, показывая дорогу:

— Пошли, пойдём к машине.

Он шёл и рассказывал, как познакомился с немым.

— Когда я только приехал в Гуанчжоу, сначала занимался рыбным бизнесом, у меня была база в Циньхуандао, ещё были рыбацкие лодки, Цзя Гэ тоже мне помогал, дело быстро пошло в гору, и это вызвало зависть. Немой приехал в Гуанчжоу из Нинбо на заработки, у него не было лицензии моряка, он был несовершеннолетним, только окончил среднюю школу, мог только подрабатывать, таскать мешки, ещё воровал на пристани, — сказал Цан Ицзин. — Ему было всего 16 лет, ненамного старше Жо Мэй, высокий и худой, как стручок фасоли, руки в мозолях, на плечах уже кровь проступала, а он всё таскал грузы.

Цан Ицзин сказал:

— Он украл чьи-то вещи, его избили до синяков, он еле живой был, но всё равно выходил таскать мешки.

— Кроме тебя, никто его не пожалел? — голос Чжун Жуйчжи был холодным.

Он всё время хотел эгоистично владеть всем, что принадлежало Цан Ицзину, он мог быть добрым только к себе, но не решался столкнуться с реальностью, поэтому мог только заставить себя порвать с ним, больше не видеть его.

Поэтому, как только они встретились, как только заговорили, он сразу же заревновал.

Цан Ицзин мог посмотреть на кого-то другого дважды, и он уже был недоволен, а тут ещё этот молодой, довольно симпатичный немой рядом.

— Давал ему несколько раз поесть, он привязался ко мне, — сказал Цан Ицзин. — Я спросил его, почему он не учится, немой не мог ходить в обычную школу, родители умерли рано, он вырос у дедушки с бабушкой в деревне в Нинбо. Несколько лет назад у его дедушки обнаружили почечную недостаточность, это болезнь, которая требует больших денег, он и жестами, и писал, буквы кривые, даже пиньинь не мог правильно написать, сказал, что не может смотреть, как его дедушка умирает, и должен сделать всё возможное, даже если придётся работать до седьмого пота, чтобы вылечить его.

Чжун Жуйчжи был мягкосердечным:

— А как сейчас дедушка?

Цан Ицзин кивнул:

— Перевёз его в город, нанял няню ухаживать за ним, два раза в неделю диализ.

Цан Ицзин снова спросил:

— Устал идти? — Он, как раньше, присел на корточки. — Я тебя понесу.

Последние два года Чжун Жуйчжи не раз видел во сне его спину.

— Давай, быстрее.

Это было реальное приглашение, не сон.

Маленький господин подошёл, обнял его сзади, знакомое тепло, знакомый объём, эти руки и ощущение, когда его поднимают на спину.

— Сколько пота... — Лето в Гуандуне было жарким, нести на себе такого крупного мужчину, как печку, Цан Ицзин моментально вспотел. — Опустим меня.

— Ты всегда такой, — сказал Цан Ицзин. — Когда мы впервые встретились, ты тоже так сделал.

— Как?

— Хотел, чтобы я тебя нёс, но сказал, чтобы я опустил, — сказал Цан Ицзин.

Хотел, но сказал, чтобы отпустил.

— Ты всегда говоришь наоборот, — сказал Цан Ицзин. — Если я поверю и действительно отпущу, ты ведь расстроишься до смерти?

Чжун Жуйчжи промолчал.

Цан Ицзин продолжил:

— Здесь есть рыболовецкая ассоциация, поскольку мой бизнес разросся, а я не местный, сначала я не знал их правил, не дал им достаточно денег, и они начали мне всячески мешать, однажды даже загнали меня в переулочек, и немой прикрыл меня, получил удар ножом.

Услышав это, Чжун Жуйчжи сжал его плечи.

— Местные бандиты, их много, и с ними сложно справиться, — сказал Цан Ицзин. — Недостаточно просто соблюдать закон.

— А сейчас? — спросил Чжун Жуйчжи.

— Всё ещё так, но у меня уже есть опыт, — сказал Цан Ицзин.

— Как это, вести бизнес, звучит довольно опасно, — спросил Чжун Жуйчжи.

Цан Ицзин нёс его, и воспоминания вернулись на два года назад:

<http://tl.rulate.ru/book/5573/197287>